

На рубеже

4

1950

Критика и библиография

ОТ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ

В. ЕВСЕЕВ

Официальная финляндская фольклористика, находящаяся на службе реакционной финляндской буржуазии, уже давно зашла в безысходный методологический тупик. Финская фольклористическая школа с самого своего возникновения пользовалась формально-сравнительным, метафизическим методом исследования фольклора и характеризовалась идеалистическими теориями происхождения народного творчества, в частности, карело-финского эпоса „Калевала“. И хотя эти теории среди финских фольклористов уже давно начали приобретать космополитический оттенок, однако коренной переход от буржуазно-националистического толкования карело-финского фольклора к космополитическим концепциям о возникновении устной народной поэзии произошёл среди них в связи с событиями последних лет, когда все реакционные силы в Финляндии окончательно перешли на службу к американскому империализму.

В настоящей обзорной статье нет необходимости подробно останавливаться на методологических, в корне порочных, „теориях“ и высказываниях финляндских буржуазных фольклористов, появившихся в печати до второй мировой войны. Довоенная

финляндская фольклористика уже подвергалась критике в советской печати. Меткую характеристику школе финского буржуазного „учёного“ К. Крона даёт О. В. Куусинен во вступительной статье к „Калевале“ издания 1949 года.

Отсылая читателя к статьям советских филологов о финской фольклористике довоенного времени, отмечу, что, наряду с упомянутыми О. В. Куусиненом финляндскими „учёными“ К. Кроном, Я. Яккола, У. Харва, и другие финские буржуазные фольклористы как до второй мировой войны, так и после неё также остаются на позициях формально-сравнительного метода и всё более открыто переходят к космополитическим теориям.

Буржуазно - националистические тенденции всегда были присущи К. Крону и его ученикам, и если в более ранних их работах эти тенденции сочетаются с космополитизмом, то в своих „исследованиях“ последних лет финляндские фольклористы всё больше переходят на позиции прямого отказа от утверждений самобытности национальной культуры, в чём и выражается оборотная — космополитическая сторона агрессивного буржуазного национализма.

Космополитические, реакционно-идеалистические концепции присущи и тем финляндским буржуазным филологам, которые рассматривали руны „Калевалы“ как единое „пра-прибалтийско-финское наследство“.

Руны „Калевалы“, по их мнению, появились среди финского „пранарода“, который якобы без особых творческих процессов, механически впитал в себя разные заимствования из „классической“ мифологии древних германцев, древних англосаксов, даже древних греков и других „расово-полноценных“ людей древности. Расистская направленность в той или иной степени характеризует представителей всех, лишь формально разных, направлений финляндской буржуазно-фольклористической мысли. Притом этот расизм всё больше „украшается“ шовинизмом финляндских лакеев заокеанских хозяев Уолл-стрита.

Буржуазная теория К. Крона блестяще раскритикована О. В. Куусиным во вступительной статье к переводу „Калевалы“ 1949 г. изд., где он вполне обоснованно заявляет, что если бы руны „Калевалы“ возникли среди викингов западной Финляндии, то они должны бы отразить именно эту общественную среду. „Но в рунах Калевалы, — как убедительно утверждает О. В. Куусинен, — ничего подобного нет. Они отражают совершенно иной общественный уклад, о котором певец-викинг не мог бы создать рун... Этого обстоятельства не учли представители школы Крона. Они не пожелаали добросовестно изучить вопрос о том, в каких общественных условиях могла зародиться и расцвести поэзия Калевалы. Им чужд научный метод, их исследования лишены научной основы“.

* * *

В годы второй мировой войны в Финляндии опубликовано несколько

монографий, в которых ничего нового их авторы, по существу, и не сказали. Реакционный финский историк Я. Яккола в опубликованной в 1943 году книге „Восточный вопрос Финляндии“ утверждал, что в народном эпосе „Калевала“ не отразились даже элементарные связи со славянской культурой. Появившаяся в свет в 1943 году книга М. Хаавио „Последние певцы рун“ повторяет зады школы К. Крона. В том же духе, поддерживая эту концепцию, высказывается в опубликованном в 1948 году исследовании „Похищение Сампо“ другой „столп“ финской буржуазной филологии — У. Харва.

Однако для характеристики научной беспринципности и политической „оперативности“ реакционного „учёного“ У. Харва отмечу, что этот деятель буржуазной „науки“ придерживался пресловутой теории западно-финского происхождения рун „Калевалы“, без ориентации на скандинавский запад, лишь до конца второй мировой войны, пока в некоторых кругах панфинистов известной популярностью пользовались идеи превосходства „великой Финляндии“ перед Швецией.

К тому же времени, т. е. ко времени националистского движения против шведского меньшинства в Финляндии, относится осуществлённый им „акт“ смены фамилии шведского происхождения Гольмберг на финскую Харва. Но во время войны 1941 — 1945 г.г. заслуженная службой на фашистскую Германию и теперь вновь оживившаяся скандинавско-англосаксонская ориентация реакционных кругов Финляндии заставила У. Харва в 1947 году на страницах финского языковедческого журнала „Виритая“ заявить: „Имеются намёки и на то, что та Похьола, откуда было похищено Сампо, была населена древними шведами“. Остаётся лишь ждать, когда под новыми „трудами“ увёрт-

ливого космополита появится его старая фамилия.

После войны развитие буржуазной финляндской фольклористики характеризуется маскировкой под разные, внешне, казалось бы, исключаящие друг друга, концепции, и в то же время как методологически, так и теоретически все зарубежные „труды“ по изучению народного творчества, а, в частности, „Калевалы“, и за последние годы остаются в своей космополитической окраске в корне порочными.

В связи с ростом международного значения СССР после победоносного завершения им Великой Отечественной войны и при заключении мирного договора между Финляндией и СССР на некоторое время в общество „Финляндия—Советский Союз“, чтобы прикрыть своё подлинное лицо, вслед за У. Харва, в число „друзей“ СССР записываются и другие реакционные буржуазные филологи. Некоторые из них в своих исследованиях начинают робко заикаться о славяно-финских культурных связях, с тем, чтобы тут же многочисленными ссылками на заимствования из фольклора чуть ли не всех „культурных“ народов мира показать славян (в частности русских) лишь как посредников между финнами и „цивилизованными“ европейцами. Именно такой постановкой вопроса о русско-финских фольклорных связях в свете теории „международных странствующих сюжетов“ определяется и космополитическая по своему характеру диссертация финляндского филолога Ийвари Кемпинена, защищённая им три года назад.

Отдельные финляндские фольклористы, в сложной обстановке последних лет убедившиеся в наличии глубокого кризиса науки в капиталистических странах и, в частности, в связи с этим серьёзно усомнившие-

ся в положениях финской фольклористической школы, начали сомневаться вообще в объективной реальности вещей и забрели в болото агностицизма. В этом отношении наиболее показательна вышедшая из печати в 1948 году монография В. Кауконена на тему „Калевала“ и действительность“. В рецензии автора данного обзора на эту книгу, помещённой во втором номере журнала „Советская Этнография“ за 1949 год, подвергнута критике концепция В. Кауконена, и здесь нет необходимости повторяться. Замечу лишь, что, стараясь приспособиться к одерживающим всё новые и новые победы над реакцией народно-демократическим кругам Финляндии, В. Кауконен пишет не только монографические работы о „Калевале“ (его перу принадлежит и двухтомное исследование о первом издании „Калевалы“, опубликованное в годы второй мировой войны); он же является автором помещённой на страницах газеты „Вапаа сана“ развёрнутой рецензии на новую композицию „Калевалы“, сделанную О. В. Куусиненом.

В. Кауконен, по существу, объективистски констатирует тот (для него безусловно установочный) факт, что появилось ещё одно совершенно новое произведение конкретного автора. Такой новой поэмой по В. Кауконену является также и „Калевала“ Лённрота, как небо от земли отличная от реально, по его мнению, возможно и не существовавшего народного эпоса.

В связи с имевшим место в последние годы усилением реакционных политических кругов в буржуазной Финляндии — несколько изменилось в финляндском обществе по изучению „Калевалы“ и положение В. Кауконена, где с 1948 года он вынужден был оставить пост секретаря этого общества. Кстати, в конкурсе на соискание звания про-

фессора Хельсинкского университета по сравнительной и финской фольклористике в 1949 году — В. Кауконен также терпит поражение в пользу реакционного фольклориста Мартти Хаавио. Однако, несмотря на это, В. Кауконен остаётся буржуазным филологом.

Философские корни функционализма у В. Кауконена кроются в том, что он сомневается в старой фольклористике, но в то же время он не видит выхода из создавшегося положения. Свидетельством этому может служить помещённая в ежегоднике финляндского общества по изучению „Калевалы“ за 1947—1948 г.г. статья В. Кауконена, где „Калевала“ снова трактуется исключительно как „эпос Лённрота“. Отсутствие научного понимания диалектико-материалистической взаимосвязи единичного и общего (взаимосвязи между отдельными стихами „Калевалы“, имеющими свой источник в определённых вариантах карело-финских народных песен, и композицией „Калевалы“ в целом, приданной ей Э. Лённротом) приводит В. Кауконена к неразрешимым противоречиям. Он пишет: „...почти все стихи „Калевалы“ имеют точные или близкие соответствия в записанных вариантах рун... И, всё же, „Калевала“ является эпосом Лённрота...“

Таким образом В. Кауконен, отрывая единичное от общего (отдельные стихи „Калевалы“ от её композиции), логически подходит к ложному пониманию этого общего, граничащему с сомнением в объективной реальности существования этого общего.

* * *

Почти все статьи юбилейного ежегодника финляндского общества по изучению „Калевалы“ за 1949 год свидетельствуют о реакционно-идеалистической, космополитической

их направленности. В этом отношении отдельные исследования, помещённые в ежегоднике этого общества за 1947—1948 г.г., составляют некоторое исключение и говорят о наметившемся, во время существования в Финляндии правительства Пеккала, стихийно-материалистическом подходе к изучению фактов славяно-финских связей и других актуальных проблем, проясняющих подлинные пути развития карело-финского эпоса и затрагивающих, например, вопрос о проявлении интереса к карело-финским народным песням со стороны величайшего гения человечества Карла Маркса.

Именно такой теме посвящена помещённая в ежегоднике за 1947—1948 г.г. статья Эриха Кунце о трёх карело-финских рунах, появившихся в рукописном сборнике народных песен, подготовленном молодым Карлом Марксом в подарок его будущей жене — подруге детства Женни Вестфален.

Среди этих песен встречается и руна о рождении кантеле — карельского народного музыкального инструмента, воспетого в рунах „Калевалы“. Автор статьи высказывает предположение о том, что эта карело-финская руна как-то повлияла на появление соответствующего абзаца в материалах к диссертации К. Маркса, написанных в 1839 году, где говорится о творческих силах, пробуждаемых игрой на чудесном музыкальном инструменте, под струнами которого рождается буря. Э. Кунце объясняет интерес К. Маркса к этим народным песням его борьбой против правых гегельянцев.

Однако в целом линия финляндского общества по изучению „Калевалы“ и его ежегодников характеризуется подчинением научного исследования интересам буржуазного общества.

Юбилейный ежегодник общества по изучению „Калевалы“ за 1949 г. открывается статьёй У. Харва, где снова приводится истасканная ссылка на епископа Агриколу, якобы подтверждающая западно-финское происхождение рун о Вяйнемёйнене. Автор полемизирует с В. Кауконеном (не называя его по имени) по вопросу о роли Лённрота в составлении „Калевалы“. Попутно с осуждением мнения В. Кауконена, У. Харва называет бесплодным занятием сравнение „Калевалы“ по её содержанию и форме с древнегреческими произведениями Гомера. Тут буржуазный националист всё ещё не хочет обнажать оборотную, космополитическую сторону реакционно-идеологического существа своих рассуждений.

В своей статье этот буржуазный филолог не может обойтись и без ссылок на Похьолу, которую он, смотря по политической ситуации, в разных своих „трудах“ за последние годы населяет то шведами, то финнами. В млечном пути, рассекающем небо Похьолы, У. Харва увидел явные признаки огромного дуба, воспеваемого в рунах „Калевалы“.

В заключение У. Харва, скрывая антисоветскую сущность своих высказываний, заявляет, что „...маленький народ в годы мировых потрясений может потерять многое, но никогда не потеряет вечное творение благородного духа своих предков“. Однако карельский народный эпос возник именно среди предков карел и, как творение, принадлежит карело-финскому народу.

Совершенно бесспорно то, что в качестве излюбленного конька космополитов до самого последнего времени в Финляндии остаются в силе теории западно-финского или даже скандинавского происхождения карельского эпоса. Так, в статье о Похьоле „Калевалы“, помещённой

в ежегоднике в прошлом году, норвежский буржуазный фольклорист Н. Лид рассматривает карело-финские руны как прямое продолжение скандинавского эпоса. Вслед за К. Кроном автор статьи в чисто космополитическом плане проводит параллели и аналогии между эпосом „Калевала“ и исландскими доисторическими форнольдсагами. Даже само название „Похьола“ автор механически сводит к скандинавскому термину *botten*. На самом же деле термин „Похьола“ переводится как „страна Севера“.

В статье на тему „Художественные достоинства „Калевалы“, появившейся в том же ежегоднике за 1949 год, финляндский филолог И. Ойнонен также приходит к космополитической постановке вопроса о происхождении карело-финского эпоса и к отрицанию народного характера „Калевалы“. „Калевала“, — пишет он, — и не является в полном смысле слова народной поэзией. Конечно, народ сложил отдельные её стихи, но при объединении их достигнуто то, что не является народной эпопеей. А объединение осуществил Лённрот, не обладавший поэтическим даром“.

Ойнонен ограничивается туманными рассуждениями о коллективном характере зарождения эпоса, он предостерегает даже от ссылок на древних финнов. Автор статьи, как типичный космополит и идеалист, в этом коллективе видит какую-то освобождённую от материалистически-объективной реальности древнюю идеалистическую сущность народа, проявляющуюся на „значительно более широких пространствах земного шара“, чем Финляндия. По Ойнонену, эта сущность народа мистична, она — „не от мира сего“. В связи с этим он считает, что „можно говорить о древних чертах характера героев „Калевалы“, совершенно не учитывая

характер первоначальных народных вариантов эпических песен". Анти-научный характер рассуждений И. Ойнонена не подлежит сомнению.

О. В. Куусинен в своей вступительной статье к „Калевале“, приводя целый ряд убедительных доказательств, пишет: „Именно на карельской земле, из материала — главным образом местного, а в известной мере и полученного извне, — зародилась и расцвела подлинная, высокохудожественная по содержанию и форме эпическая поэзия „Калевалы““.

Видное место в финском юбилейном ежегоднике занимает статья о переводах „Калевалы“ в Америке, принадлежащая перу некоего американского финна, сменившего финскую фамилию Моуккунен на вполне американскую — Майн. В этой статье навязчиво рекламируются и подчёркиваются факты исключительного внимания и интереса американцев к финской народной поэзии и к „Калевале“. Чтобы отнять приоритет интереса к „Калевале“ у русских общественных деятелей, в роде декабриста Ф. Глинка, чьи переводы карельских рун на русский язык печатались уже в 1827 году, лакеи Уолл-стрита идут на явные подтасовки фактов, лишь бы доказать якобы огромную „помощь“, оказанную Америкой в деле популяризации „Калевалы“.

Автор указанной статьи утверждает знакомство с финской поэзией у американских поэтов Персиваля и Лонгфелло будто бы уже до появления первого издания „Калевалы“ на финском языке. Правда, Э. Майн так и не доказал факт раннего знакомства Лонгфелло с обзором финской поэзии, напечатанным в 1827 г. в Лондоне на английском языке, поскольку с автором этого лондонского обзора Лонгфелло столкнулся лишь в

1835 г., во время своей поездки в Швецию. Но это не смущает американского финна-космополита Э. Майна. Он делает предположение о возможности знакомства Лонгфелло с финской поэзией через немецкие переводы Гёте, когда американский поэт ещё молодым студентом был в Германии. Но оставив и это предположение недоказанным, Э. Майн ссылается на то, что в личной библиотеке американского поэта Персиваля (сделавшего в 1843 г. для своего рукописного сборника несколько переводов финских народных песен на английский язык) имелись опубликованные в 1902 году путевые заметки итальянского путешественника Ёсепе Адерби, где даны некоторые сведения о финской народной поэзии. Эрнест Майн подчёркивает, какое исключительное внимание мировой литературной общественности вызвала поэма Лонгфелло „Песнь о Гайавате“, испытавшая влияние „Калевалы“. Автор с американским делячеством между строк говорит о том, какой хорошей рекламой для „Калевалы“ была поэма американского поэта. Таким образом в своей статье Э. Майн делает сумасбродный вывод, что без помощи Америки „Калевала“ не вошла бы в сокровищницу мировой литературы, без Америки не могло дескать, быть, и „Калевалы“.

Таковы те веяния, которые воспотрожествовали в финляндском обществе по изучению „Калевалы“ в канун юбилейного года карело-финского эпоса и во время юбилейных торжеств, рельефно отразившись на страницах его ежегодников.

На фоне систематической фальсификации научного изучения „Калевалы“ в Финляндии упорно замалчиваются работы по собиранию и изучению карело-финского эпоса в СССР.

* * *

Реакционно-политическая целеустремлённость „изысканий“ финляндских буржуазных филологов иллюстрируется не только ежегодниками финляндского общества по изучению „Калевалы“, но и другими „исследованиями“ финляндских буржуазных филологов.

Военному преступнику — бывшему премьер-министру финляндского буржуазного правительства и ректору Хельсинкского университета Эдвину Линкомиесу — после окончания второй мировой войны реакционные фашистские круги Финляндии предоставили возможность писать и печатать одну книгу за другой. В вышедшей в 1946 году книге этот гитлеровский проходимец от науки признал в упоминаемых в 98 году до нашей эры римским историком Тацитом финнах — своих соотечественников, но в то же время обвинил Тацита в „пустой риторике“ за то, что тот писал о „дикости“ финнов. Через два года, в 1948 году, дипломированный буржуазный лжеучёный разразился книгой о Гомере. В ней он тщетно пытался доказать, что хотя наряду с профессиональными, якобы принадлежащими к кругам античной аристократии, певцами древнегреческих эпосов „Илиады“ и „Одиссеи“, карело-финские певцы рун „Калевалы“ нам известны лишь как подлинные народные рунопевцы, тем не менее можно предполагать, что древние финские руны возникали в среде профессиональных рапсодов, окружавших древнефинскую племенную знать.

Содержание карело-финского эпоса „Калевала“ по старой памяти продолжает искажать и реакционный финляндский историк Я. Яккола, свидетельством чему может служить хотя бы его новая статья о „Калевале“, помещённая в № 1 финляндского „Исторического жур-

нала“ за 1949 год. Статья Я. Яккола является в то же время образцом пропаганды космополитизма, этой обратной стороны буржуазного национализма.

Даже в такой финляндской литературе, как статьи по педагогике, „Калевала“ трактуется с позиций реакционной буржуазной „науки“. Наблюдениям преподавателя литературы и методическим указаниям об изучении „Калевалы“ в школе посвящена статья А. Симонсуури в № 1—2 журнала „Виритта“ за 1949 год. Автор в первую очередь советует ознакомить учащихся с руной „Калевалы“ о рождении вселенной, которая, по мнению автора, увлекает детей так же, как и чтение первой книги „Ветхого завета“ о сотворении мира. Таким образом, в этой статье намечается попытка подчинить изучение „Калевалы“ в школе задачам религиозного одурманивания сознания детей.

* * *

Безысходно-кризисное состояние буржуазной финляндской фольклористики становится совершенно очевидным при обзоре исследований последних лет, освещающих, в частности, такие проблемы, как вопросы о сказителях-певцах рун, о манере исполнения этих эпических песен, об их ритмике и языке.

Изучению манеры исполнения карело-финских народных песен посвящена опубликованная в 1949 году книга Эльзы Энаярви-Хаавио, где автор, формалистически сравнивая исполнительскую манеру у разных народов, приходит к „сенсационному“ выводу. По мнению Э. Энаярви-Хаавио, древнейшая манера исполнения народных песен двумя певцами заключалась в том, что они касались друг друга не обеими руками (как это утверждали все исследователи, начиная с Портана, т. е. с конца XVIII века), а лишь

одной рукой; в другой же руке каждый певец первоначально, якобы, держал кружку с брагой или пивом.

Вопрос об исполнительской манере и сопровождении пения рун игрой на кантеле затрагивается и в статье буржуазного финляндского фольклориста-музыковеда А. О. Вайсянена, помещённой в ежегоднике общества по изучению „Калевалы“. Изучение манеры исполнения рун у разных групп прибалтийско-финского населения приводит А. О. Вайсянена к полемике с другим буржуазным филологом Андерсоном. Принципиальной разницы в концепциях полемизирующих филологов нет. Оба они не считают карельским народный эпос, увековеченный в „Калевале“, сходясь на том, что этот эпос заимствован карелами с запада. Но спор начинается при определении географических координат этого запада. Вслед за своим учителем К. Кроном, А. О. Вайсянен стремится оставить карельский эпос в качестве неделимого сокровища юго-западной Финляндии. Андерсон же склонен развезть этот эпос из юго-западной Финляндии по всему свету, с тем, чтобы наибольший куш остался в Скандинавии. В противовес доводам Андерсона А. О. Вайсянен заявляет: „Кантеле, по всей видимости, бытовало уже в прафинское время, т. е. ещё до скандинавских культурных влияний.

Андерсон пытается доказать, что „кантеле Вайнемёйнена — смычковый музыкальный инструмент скандинавского происхождения“. В противовес космополитической концепции Андерсона о скандинавском происхождении руны о рождении кантеле, Вайсянен совершает не менее космополитическое путешествие в Индию, якобы, по путям следования „международных сказочных сюжетов“. Попутно Вайсянен прибегает к ссылкам на трёх былинных богатырей: Добрыню, Ставра и

Садко, которые, как и Вайнемёйнен, одновременно обладали способностью петь и играть на близком кантеле музыкальном инструменте — гуслях. В заключение Вайсянен рассматривает Вайнемёйнена как историческую личность и, в то же время, будучи убеждённым космополитом, сопоставляет руны о кантеле с первой песней „Одиссеи“ и соответствующими местами из „Ветхого завета“.

В другой статье Вайсянена „Калевала“ и музыка“, опубликованной в том же ежегоднике, с особой навязчивостью подчёркиваются случаи проявления интереса западно-европейских и американских деятелей искусства к напевам „Калевалы“.

Не оставляет А. О. Вайсянен без внимания и попытки немецких композиторов откликнуться на темы „Калевалы“. Особо подробно автор статьи останавливается на поездках известного финляндского композитора Сибелиуса по Западной Европе и Америке. Восторженно говоря о том, как поездка в Америку повлияла на творчество Сибелиуса, Вайсянен лишь мимоходом упоминает о том, как Сибелиус впервые услышал живое исполнение рун карельским певцом Петром Шемейкка, притом Вайсянен подвергает сомнению возможность влияния на композитора встречи с народным певцом.

Игнорирование вопроса о творческой роли не только живых сказителей-современников, но и завоевавших себе известность в XIX веке певцов рун „Калевалы“, по существу, свойственные и для более ранних работ Вайсянена, в частности, для его статьи о рунопевцах и напевах рун, помещённой в ежегоднике общества по изучению „Калевалы“ за 1943—1944 годы.

Об исполнителях и творцах народных песен помещена статья в №№ 1—2 журнала „Виритая“ за 1949 год финляндского буржуазного

фольклориста Хаавио. Чтобы обосновать свою концепцию, Хаавио ссылается на предисловие Лёнирота к „Кантелетару“, где составитель „Калевалы“ отмечает сказительницу Матели Куйвалатар. Затем Хаавио переходит к проблеме творческих процессов, выявляющихся в средневековых легендарных песнях, и единственно верной он признаёт мысль о том, что песня возникает однажды, а не возрождается из отдельных разрозненных стихов традиционного фольклора. На первый взгляд такая концепция об исторически конкретном авторстве каждой народной песни резко противостоит точке зрения мифологической школы в фольклористике о безличности народного творчества. Однако, по существу обе теории это — две стороны одной и той же метафизически представляемой медали. И та и другая теории рассматривают фольклорные явления, по существу, вне конкретно-исторических условий их развития.

Когда Хаавио говорит о необходимости стирания грани между нашими представлениями о „народной песне“ и произведениями искусства, то тут он игнорирует стадиальность развития фольклора, его связь с теми первобытными обрядами, в которых отразилось идейно-осмысленное содержание трудовых процессов. Однако не только зарождавшаяся в связи с такими трудовыми обрядами первобытная поэзия, но и „народная песня“ более поздних периодов своего развития не могла отождествляться с произведениями профессионального искусства и литературы.

Творцами всех без исключения песен являются, согласно антинаучной концепции Хаавио, лишь конкретные личности; коллективно складывающейся поэзии, по его мнению, никогда не существовало. Термином „народная поэзия“ он находит воз-

можным пользоваться лишь условно. В каждом конкретном случае сложенная кем-то однажды песня в репертуаре подхватывающих её сказителей подвергается, незаметно для самих сказителей, сокращениям и чаще всего незначительным изменениям, и в результате в ней остаётся, по мнению Хаавио, лишь то, что соответствует общим народным вкусам. По отношению к таким, в процессе механического воспроизведения сложившимся, выжимкам из произведений индивидуального творчества Хаавио допускает название „народная поэзия“. Формалистичность, метафизичность, антиисторичность такой постановки вопроса совершенно очевидны. Отрывая искусство от его социального звучания, он видит в искусстве лишь индивидуальное творчество и только общими вкусами объясняет происхождение типических черт народной поэзии.

* * *

В связи с господствующим в капиталистических странах формально-сравнительным методом изучения фольклора неудивительно, если и метрика карело-финских народных песен рассматривается чисто формалистически. В опубликованной в 1949 году диссертации М. Садениэми, по существу, игнорируются национальные особенности метрики карело-финской народной поэзии, объясняемой автором в свете идеалистической философии Вундта и буржуазных теорий психоанализа. Даже в самом названии диссертации подчёркивается факт психологического уподобления изучаемых автором явлений с международными „модернами“ и особенно с античной ритмикой. Это делается автором для того, чтобы в свете космополитических теорий доказать, что никаких национальных особенностей, обусловленных конкретно-историческим

развитием того или иного народа в ритмике, по существу, нет, имеются лишь объясняющиеся в порядке психоанализа общечеловеческие нормы ритмики. Подчёркивая, что „только с помощью психоанализа образов можно было углубиться в сущность понятия ритма“, автор в своей идеалистической концепции о речевых ритмах не учитывает даже таких моментов, как огромное влияние на речевые ритмы мыслительных образов, придающих определённый логический ритм как разговорной речи, так и языку народной поэзии.

* * *

Несколько замечаний обзорного характера о появившихся в последние годы фольклорно-языковедческих работах финляндских буржуазных филологов. Юбилейный для „Калевалы“ 1949 год отмечен изданием подготовленного А. Туруненом словаря „Калевалы“. В значительной мере этот словарь повторяет то, что уже дано в более ранних словарях А. Ниэми и Э. Сааримаа, комментирующих язык „Калевалы“. Идущим от космополитизма „новшеством“ в этом словаре 1949 года является его пояснительный аппарат: почти каждое слово сопровождается сравнительным лексическим материалом; составитель словаря явно увлечён поисками источников, откуда якобы эти слова заимствованы. Если буржуазные лингвисты тщетно посвящают пространные исследования для доказательства заимствования того или иного слова в карело-финскую речь из других языков, то составитель вышеуказанного словаря решил быть более лаконичным. Тут мы воочию убеждаемся в нежелании буржуазной филологии отказаться от насквозь прогнившей теории заимствования.

Свойственный финляндским линг-

вистам формально-сравнительный метод, ведущий к предвзятым попыткам обоснования западно-финской и даже скандинавской теории происхождения карело-финского эпоса, объединяет большинство статей финских филологов, помещённых в ежегодниках общества по изучению „Калевалы“ за 1947, 1948 и 1949 годы. Настойчивые поиски скандинавских и германских корней во всех мотивах и сюжетах рун „Калевалы“ характерны для помещённой в ежегоднике за 1947 и 1948 г.г. статьи финляндского лингвиста И. Тойвонена о термине „Вихки“, „Вихти“, появляющемся в вариантах рун в качестве параллельного имени основного героя Вийнемейнена.

Одна из статей юбилейного ежегодника за 1949 год посвящена теме о финнизмах в русском заклинании и принадлежит перу лингвиста Я. Калима, в первой её части, и М. Хаавио — во второй. В составленном Д. К. Зелениным за 1914—1916 г. г. описании рукописей учёного архива Русского Географического общества Я. Калима обнаружил записанный в Саратовской губернии заговор, применяемый при успокоении плачущего ребёнка, и содержащий формулу: „Зоря зорница, красная девица, возьми крик с лопси, поди крик на лес“, где слово „лопси“ рассматривается авторами статьи, как прибалтийско-финское „лапси“ — ребёнок.

М. Хаавио указывает на бытование той же самой формулы заговора, согласно записям М. В. Михайловской, на карельском языке среди калининских карел. Он же приходит к выводу о несомненной славянской природе этого заговора, переведённого калининскими карелами на карельский язык и, позднее, в Саратовской губернии, вновь подвергнутого переводу с карельского языка на русский язык, притом в качестве свидетельства об этом

повторном переводе, выступает сохранившееся в русском контексте карельское слово „лапси“. Интерес финских филологов к карельскому термину, употреблявшемуся в русском заговоре, видимо, в значительной мере объясняется стремлением отодвинуть как можно дальше на юго-восток границы, якобы, влияния финской речевой культуры (прямым проявлением которой финляндские филологи, не имея на то оснований, считают карельскую речь).

* * *

Движение финляндской фольклористики в направлении того методологического тупика, в котором она находится, прослеживается не только в исследованиях о карело-финском эпосе „Калевала“, но и в работах о других жанрах карело-финского фольклора, написанных в последние годы финляндскими буржуазными фольклористами.

Пёстрое переплетение методов реакционной, этнографической школы и космополитических концепций финляндских фольклористов с идеалистическими теориями можно видеть в такой заумной статье А. Руотцалайна на тему: „Несдержанность мочи у детей в свете этнографии и заговорной поэзии“. Отмечая тот факт, что на протяжении многих столетий медицина будто бы не в состоянии была разгадать природу отмеченного недуга и найти способы его излечения, автор статьи, по существу, вводит изучение этой детской болезни исключительно в круг полномочий этнографов, становящихся на позиции реакционной практики. Сопоставление основанных на суеверии представлений об этом недуге у разных племён и народов в разные времена приводят А. Руотцалайна к космополитическим исканиям путей блуждания из страны в страну разнообразных заговоров и вообще

приёмов против этой болезни. Религиозно-окрашенные заговоры, сопровождающиеся колдовством, рассматриваются специалистом по идеологической диверсии в гуманитарных науках, как единственно-возможные, испытанные житейским опытом сотен поколений человечества, способы объективного познания природы детской болезни. Фольклористические и этнографические „функции“ заговоров, якобы помогающих изжить этот недуг, берутся автором рецензируемой статьи в неприкрыто-антиисторическом плане, в прямом соответствии с реакционным функционализмом буржуазной этнографии. Практическую цель статьи этот финляндский этнограф-фольклорист, возможно, видит в ознакомлении наводнивших Финляндию американских „туристов“ с местными обычаями, сопоставляемыми с соответствующими шарлатанскими приёмами одичавших американских мракобесов.

Общие выводы и „философские“ корни изысканий А. Руотцалайна, этого буржуазного лжеучёного, разработавшего докторскую степень подобными антинаучными рассуждениями, высказаны очень кратко и выразительно. „Многие поверия и основанные на магии способы излечения болезни, — пишет этот мракобес, — указывают на то, что этот печальный недуг, возможно, находится в какой-то связи с царством мёртвых и с Маналой и оттуда происходит“.

В заключении автор обещает — в другом „исследовании“, более детально показать мистическое появление из потустороннего мира не только суеверий об этом недуге, но и самого этого недуга.

В исследованиях финляндских буржуазных фольклористов за последние годы вполне закономерно сказался не только усиленный интерес к устной заговорной словес-

ности, но и продолжается свойственная финской фольклористической школе линия формалистического анализа карело-финских сказок. Изучению этого крупного фольклорного жанра посвящена напечатанная в №№ 1—2 журнала „Виритта“ за 1949 год статья Э. Хеллевуо Урхо о легендарной сказке „Чорт помогает бедняку скосить луг“, анализируемой формально-сравнительным методом. Три основных редакции сказки занесены, согласно существующим записям, на карту, однако статистический подход к сказке препятствует установлению подлинной истории развития даже этой отдельно взятой сказки.

В угоду классовым интересам реакционной финляндской буржуазии, за последние годы в Финляндии проведена работа по опубликованию пословиц и поговорок. Новый иллюстрированный сборник финских пословиц и поговорок, подготовленный финскими филологами Р. Нирви и Л. Хакулинен, издан в Хельсинки в 1948 году. В нём содержится свыше восьми тысяч пословиц, распределённых в сборнике по тематическому принципу. От десятка (начиная с 1702 года) издававшихся в Финляндии сборников пословиц новое их издание отличается тем, что весь материал даётся на разных диалектах финского языка. Однако, даже как сборник материалов по такому важному жанру фольклора, эта книга не отвечает требованиям научного издания. Принцип распределения пословиц по разделам определяется реакционно-функционалистским подходом к распределению этих кратких по своей выразительности произведений, отражающих многовековую народную мудрость. С другой стороны, в силу разговорно-различного языкового материала, сборник нельзя назвать и популярным изданием.

Эмпирический подход к публикации пословиц у финляндских буржуазных филологов сочетается с таким же эмпирико-статистическим методом их исследования, приводящим к космополитическим исканиям предполагаемой „прародины“ той или иной пословицы. В юбилейном ежегоднике финляндского общества по изучению „Калевалы“ за 1949 г. буржуазный филолог М. Хаавио выступил с космополитической статьёй на тему о мировых корнях финской пословицы: „Sitä kuusta kuuleminen, jonka juurella asunto“— („Ты ель надо почитать, на корнях которой твоё жилище“). Автор отказывается говорить о самобытности финской пословицы. Разные её версии он прослеживает во всех странах Северо-Западной Европы: Швеции, Дании, Германии, Голландии, Исландии.

Распространяясь на счёт функции этой пословицы, автор сопоставляет её даже с одой Горация „Диане“. Опираясь на авторитет американского исследователя А. Тейлора, финский фольклорист М. Хаавио утверждает, что хотя наиболее древний вариант этой пословицы отмечается в относящейся к XII веку исландской „Эгиль-саге“, тем не менее она не могла зародиться в Исландии, где нет, как заявляет М. Хаавио, таких огромных деревьев, под которыми можно строить жилище. Автор статьи между строк намекает на возможность поисков „прародины“ этой пословицы западнее Исландии.

Надеясь на эрудицию своих читателей, М. Хаавио скромно умалчивает о существовании особых видов северо-американской и энгельмановой елей, распространённых в Северной Америке и имеющих высоту от 25 до 40 метров. Если исходить из вышеотмеченной порочной, вульгарно-натуралистической концепции о происхождении этой

пословицы, то можно сказать, что под такой высокой елью, во всяком случае, космополиты могут построить своё жилище.

* * *

В заключение можно сделать несколько общих замечаний. Давно прошли те времена, когда финская фольклористическая школа, несмотря на свой формально-сравнительный метод исследования, пользовалась значительным авторитетом среди фольклористов других стран. В наши дни можно наблюдать, как сильно измельчали финляндские буржуазные фольклористы — ученики и эпигоны К. Крона, как они перешли на второстепенные роли в общем космополитическом фарсе буржуазной фольклористики. Это сказывается в исследованиях финских филологов по всем жанрам карело-финского фольклора, но особенно это отразилось в их статьях и книгах, посвящённых изучению народного эпоса „Калевала“.

Разные авторы книг и статей в рецензируемых финляндских периодических изданиях и ежегодниках несколько различно пытаются доказать одну и ту же мысль о нека-

рельском и ненародном характере эпоса „Калевала“. При этом одни вообще игнорируют и устные народные версии этого эпоса и видят в „Калевале“ объективную реальность лишь постольку, поскольку „Калевала“ стала известной за границей. Другие авторы не могут отрицать реальное существование устного эпоса, но с помощью чисто умозрительных рассуждений идеалистического толка сбрасывают его со счетов.

Фактическое отрицание народности карело-финского эпоса, признание в „Калевале“ объективной реальности лишь в той мере, в какой этот памятник культуры признаётся буржуазным западом и, прежде всего, Америкой, и даже демонстративное желание ограничить круг интересов к „Калевале“ лишь тем, что в ней воспринимается хозяевами Уолл-стрита, — вот та платформа, которая объединяет всех идущих от буржуазного национализма космополитов — авторов книг и статей, упомянутых в настоящем обзоре. С этой платформы они не сходят даже в тех случаях, когда для видимости пытаются полемизировать друг с другом.